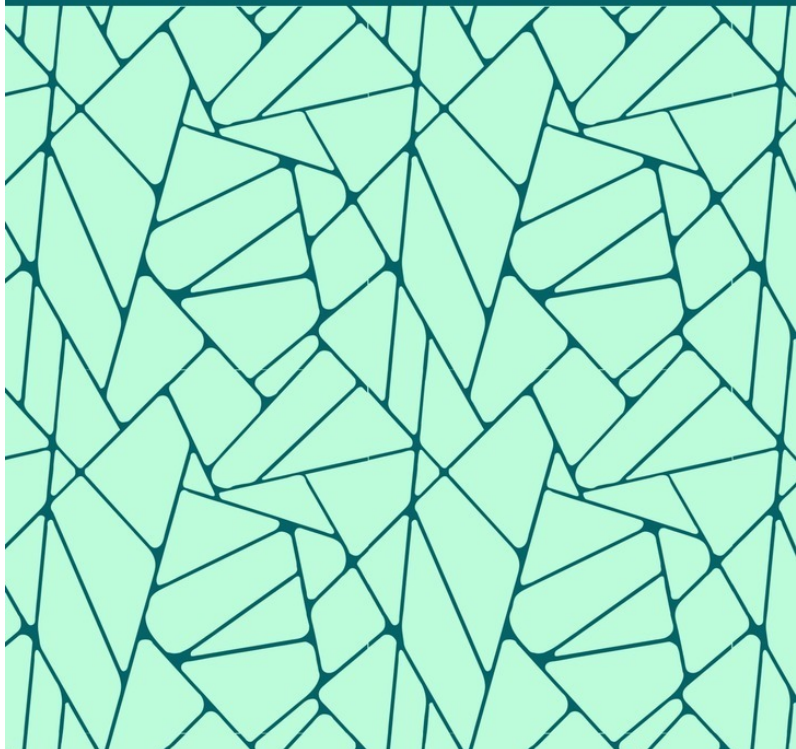

Татяна Гаврилина
Сезон листопада

Татьяна Гаврилина
Сезон листопада.
Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31727408

ISBN 9785449069566

Аннотация

О чем этот сборник стихов? О любви, разлуках, о временах года, о родной земле и родных людях, обо всем том, что есть сама жизнь.

Содержание

СТАРЫЙ ДОМ	5
МЕРЦАЙ СВЕЧА	7
КРАСНЫЕ ГРУШИ	9
МУХОМОРЫ	10
ЧЕРНАЯ КОШКА	11
АБСТРАКЦИЯ	13
ПРИВЫЧКА	15
ШАЛЬНОЕ ЛЕТО	16
РУСЬ МОЯ	19
ГЕОРГИНЫ	22
РЕКВИЕМ	23
«И.Х.»	28
БАНЬКА	30
КРАСНЫЙ КЛЕВЕР	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сезон листопада

Сборник стихов

Татьяна Гаврилина

© Татьяна Гаврилина, 2018

ISBN 978-5-4490-6956-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТАРЫЙ ДОМ

За окошком осенняя мрень.
Тетка встала, стопила печку
И поставила в печку преть
Чугунок с молоком и гречкой.
Старый дом без лампад и икон.
Нет с ворья никакого спроса.
Тетка ставит на стол патефон
И, о чудо, поет Утесов
Про Одессу, про море и Крым,
Про страну, где случилось родиться.
И глаза мои застит не дым,
Не угар, а морская водица.
Старый дом. Фотографии в ряд
На простенке поверх обоев.
Вот они на меня глядят
Старики мои. В центре. Двое.
Я на тетку скосила взгляд —
Видит, нет, что я душу квашу.
Только тетка, схватив ухват,
Вынимает из печки кашу.
Ну, и ладно. Слова, что звон...
Тетка сдавленно шмыгнула носом...
И молчком завела патефон...

В старом доме поет Утесов.

Вошла без приглашенья Грусть
В мой одинокий тихий вечер.
Вошла? И ладно. Ну, и пусть.
Накроем стол. Расставим свечи.
Ночь проведем в борьбе со сном,
Чужие вскроем недостатки,
А после, кофе с молоком
Закусим горькой шоколадкой.
Я быть открытой не боюсь,
В душе дам в волю покопаться.
Мне будет больно? Ну, и пусть.
Хочу с болячками расстаться.
Хочу на волю отпустить
Их вместе с любопытной гостьей,
Чтоб дверь за ними затворить
И не гадать, что будет после....

МЕРЦАЙ СВЕЧА

Мерцай свеча! И хоть огонь не ярок,
Хоть вянет пламя аленький цветок,
Ну, погори еще один часок
Для нас двоих оплавленный огарок.
Стекает воск с подсвечника на стол,
Чадит фитиль, шипят и гаснут искры...
Твои шаги решительны и быстры
И вот ты дверью хлопнул... И ушел...
Метнулась тень, окна открылась створка
И белый шелк портьеры молоком
Пролился в ночь, пахнуло холодком
И красною рябиною прогорклрой.
Взметнулось пламя, осветило ярко
Нависший надо мною потолок
И потянулся тоненький дымок
От навсегда угасшего огарка...

Еще ветра листву не вымели
С безлюдных скверов и дворов,
А уже утренний покров
Лег на скамейки тонким инеем.

Белее белого листы
Склонили душу к откровению
И палец вывел «Я плюс Ты»,
Не дав тому определения.

КРАСНЫЕ ГРУШИ

И холод стоит, и суш.
Расстроен порядок мыслей.
Дрожат на макушках груш
Осенние красные листья.
Все было – любовь и игра,
Разлуки и новые встречи...
Как груши похожи с утра
На ярко горящие свечи.
Все будет и солнце, и душ
Раскатистых гроз на рассвете,
И красное пламя груш
Задует порывистый ветер.

МУХОМОРЫ

Разрослись мухоморы
На лужке под окном...
Были долгими сборы
К старикам на поклон.
Два креста на погосте.
Две прописки в раю.
Я не частая гостья
В этом диком краю.
Где в плену запустенья
И капризов судьбы
Еще живы в деревне
Три убогих избы,
Но все ближе к заборам
Подбирается лес...
Разрослись мухоморы
Возле самых крылец.

ЧЕРНАЯ КОШКА

Истаял день, не торопясь, не сразу...
Вечерний холод листьями шуршит,
И желтая луна кошачьим глазом
За нами выжидающе следит...
Рассыпал леший звезды, будто крошки.
В какой он ступе смог их растолочь?
И, вздыбив шерсть, бездомной черной кошкой
Меж нами пробежала эта ночь.
Но к черту кошку! К черту наважденья!
Дурным приметам, нет, не верю я!
Но ложь твоя моею стала тенью,
Она вползла мне в душу, как змея.

Все остается не тебе,
Не мне, а будущности дальней.
Звучит орган в печной трубе —
Заложник музыки печальной.
Но день осенний полон сил —
В пригоршне спелая малина
И воздух рядышком проплыл,
Лица коснувшись паутиной.

Но поздно отступить назад...
Дрожит листва на тонких ветках
И, как жележный мармелад,
Прозрачны спелые ранетки.

И снег не шел, и вьюга не мела,
Но был октябрь по-зимнему морозен.
И вымерзла степь неба добела,
До глубины безлунной и беззвездной.
Был день угрюм, был вечер обречен
Вдыхать прогорклый запах валерьянки,
И где-то вдалеке аккордеон
Все повторял одно и то же танго,
И мне казалось, мы опять вдвоем,
Ты – мой и я в тебе не обманулась...
Я сожалела, но не о былом,
А лишь о том, что осень затянулась.

АБСТРАКЦИЯ

Окно как лист стекла в окладе
Натянут гладко, без морщин.
И на листе лишь неба клин,
А за моей спиною – сзади
В таком же в точности окне:
Ночь, улица, фонарь над крышей,
Покрытой шифером, а выше...
Что там? Не все ль едино мне?
Мой вернисаж из двух картин
Невыразимо мне наскучил.
И было б несравнимо лучше
Закрыть их кружевом гардин.
На западном простенке свет
От пламени свечи отечной,
А сбоку – на стене восточной
Мой полутемный силуэт....
То затаится, будто зверь,
То всколыхнет цветы обоев...
Как будто не одна, а двое
Нас в этой комнате теперь!
Я знаю, зверь меня не тронет.
И все ж срываюсь и, перил
Не задевая, что есть сил

Бегу, боясь, а вдруг догонит...

Вот улица, витрины, свет,

Реклама яблочного сока

И мне в толпе не одиноко,

И черной тени рядом нет!

ПРИВЫЧКА

Нет любви. Все меж нами не прочно.
Все сгорело в костре бранных слов.
Время тонкою струйкой песочной
Истекло по гортани часов.
Мир открыт без ключа и отмычки.
Искры больше души не жгут.
Ты моей был больной привычкой
Миллионы песочных минут...
Нет любви. Настежь окна и двери!
Белой шторы полощется флаг!
Ты моя дорогая потеря,
Мой в едином лице друг и враг.

ШАЛЬНОЕ ЛЕТО

Чего ты ждешь, шальное лето?
Мне снова нынче не до сна!
Наполни мой бокал букетом
Хмельного крепкого вина.
Пусть оно пахнет не мускатом,
Не одиночеством ночей,
А легким, тонким ароматом —
Дыханьем счастья прошлых дней.
Пусть все, что мысли мои гложет,
Превозмогая смех и гам,
Вино зальет не только ложью,
А ложью с правдой пополам.
Чтоб в забвенье, в сознание темном
Исчезли, как в ночной глуши,
И боль любви неразделенной,
И заблуждения души.

Ах, как сердцу хочется гульбы
До безумств, до головокруженья!
Только и сегодня у Судьбы,
Как всегда, дурное настроенье:

Смотрит вдаль, в себя погружена,
Взгляд глубокой грустью заморожен...
Ну, какой бедой она больна?
Что ее преследует? Что гложет?
Ну, а сердце жаждет широты,
Грудь открыть веселью нараспашку,
Так чтоб до душевной пустоты
Отгулять и умереть в ромашках!
Чтобы не зависеть от Судьбы,
От ее дурного настроенья.
Ах, как сердцу хочется гульбы!
Ах, как сердцу хочется веселья!

Отправлюсь как-нибудь пешком
Туда, где дремлет сон лукавый,
Где ветер, будто гребешком,
В лугах расчесывает травы,
Где нет глухих, холодных стен —
Их удушающих объятий,
Где вольно выются вокруг колен
Воланы шелкового платья,
Где сладкий воздух голубой
Не прокопчен дорожной пылью,
Где спелых яблок дух густой

И медом пахнет, и полынью.

Боль пройдет и вместе с днем вчерашним
Пропадет без зримого следа
В утреннем тумане, что за пашней
Стелется над зеркалом пруда,
Тает, словно снег, в сиянье жгучем
Нынешнего солнечного дня,
Чтоб однажды в сумрачном грядущем
Ранить горькой памятью меня.

РУСЬ МОЯ

Что случилось с тобой, моя Русь,
Кто поставил тебя на колени?
Ну, к каким я истокам вернусь,
Если нет моей отчей деревни?
Затянула крапива дворы,
Избы, берег извилистой речки
И в безлюдных домах, как ковры,
Паутины в углах и за печкой.
Тишина, не слышать петухов,
Лая псов, лишь натужено дышат
С хрипотцой половицы полов
Да сухие стропила на крышах.
Все разрушено: мельница, мост,
Будто орды татаро-монголов
Пронеслись.... Лишь заросший погост
Охраняют столбы частокола.
Может здесь проходили бои?!
Вон, расстреляны, будто из пушки,
(Не чужие стреляли – свои)
Школа, книжная лавка, церквушка?
Ни стихий, ни гражданской войны,
Никаких мировых революций,
Просто стерты с ландшафта страны

Деревеньки как пятнышки с блюда.
Сколько их? Не ведется учет.
Жить в деревне сегодня не просто
И бежит обедневший народ
В города к жизни праздной и постной.
Одного я все больше боюсь
И со временем все суеверней,
Что однажды и ты, моя Русь,
Можешь стать безызвестной деревней.

Все впереди – и даль, и белый свет,
И день по-настоящему счастливый.
Синеет утра раннего берет
Над коротко подстриженной нивой,
Над глубиной бушующих берез,
Над пыльной дорогой кочевой.
И, кажется, что тянется обоз,
Нагруженный соломой сам собою.
Пригладил ветер клевер луговой,
Наполнил парус ситцевой рубашки
И рыжей челки локон золотой
Блеснул из-под околышка фуражки.
Все впереди – и взлет, наверняка,
И страх неотвратимого распятья,

И будущего крепкая рука
Предложит мне свое рукопожатье.

Огородик у дома,
Впору грядки копать.
Но с пустых глиноземов
Урожая не взять!
В грунт вгрызаясь, лопата
Рвет кусок за куском.
Тетка с силой и с матом
Жмет на штык сапогом.
Дело движется вяло —
Жаркий майский денек.
Тетка скоро устала
И присела в тенек.
Тонкоствольные сливы
Затянуло плющом...
Тетка не из ленивых —
Из крещеных трудом.
Огород под окошком,
Пот прошиб нас насквозь!
Мы сажаем картошку.
Народится, авось!

ГЕОРГИНЫ

Опадают листья, опадают.

И темней, и тише вечера

И на лист, линованный, с пера

Строки вдохновенные стекают.

Лучших лет запас уже растрочен,

Но, к обидам радость примешав,

Так и не смогла моя душа

Жить, и не жалея, и не плача.

Отлюбить пришел и мой черед,

Но душа противится и ропщет,

И зовет меня к знакомой роще,

Где ее давно никто не ждет.

Опадают листья, опадают.

И темней, и тише вечера

И еще цветущие вчера,

Горбясь, георгины увядают.

РЕКВИЕМ

Холод сырого дня
Смешан с рябиновым соком.
В том, что была одинокой,
Только твоя вина.
Снова сентябрь опалил
Листья. Кумарит осень.
Больше душа не просит,
Чтоб ты ее любил.
Нечем любить самой.
Стыло. Повсюду слякоть.
Выпала рыжая мякоть
Сока в осадок густой.
Горький напиток дня
Выплесну в грязь дороги,
В том, что мирилась со многим,
Только моя вина.

Пахнет осень арбузами,
Хмелем ягодных вин....
Осыпаются бусами
Гроздья красных рябин.

Тянет холодом с севера,
Зябко стынет закат
И под ноги мне веером
Лег густой листопад.
Все, что было испытано,
Страсти хлад и огонь —
Все в душе моей вытоптал
Поздней осени конь.
Но за далями грустными
Зрим судьбы моей путь....
Пахнет осень арбузами
И полынью чуть-чуть.

Не верит более душа
В наивный вымысел о счастье.
Гроза нависла синью мрачной,
Листвой березовой шурша,
Окна распахивая створки,
Вздымая кружевную тюль...
Вот и закончился июль
И летний день скатился с горки
В тенистый яблоневый сад,
Где до земли склонились ветки,
Где спеют сладкие ранетки

И близкой осени наряд.

Горит закат. Но нет, еще не поздно.
Еще луна так холодно бледна,
Что в красных волнах света не видна
И даль небес спокойна и беззвездна.
Но первый сумрак уже полон скуки.
Таит в себе опасность каждый звук.
И тени, искажая все вокруг,
Меня толкают в плен былой разлуки.
Горит закат, лениво остывая.
Плененной быть я вовсе не хочу,
Я – птица. Я свободна. Я лечу,
Исхоженных путей не выбирая.

Затих листвы веселый гам.
Прижался вечер полусветом,
Серебряным, к уже раздетым,
К уже озябшим деревьям.
Вот и закончился кураж
Забав осенних и пирушек.

И смыт дождем песок с игрушек...
И с дач вывозится багаж.
С ним вместе живность – псы, коты
В уют на зимние квартиры,
Где зеркала и сувениры,
Вечнозеленые цветы...
Затих листвы веселый гам.
Прижались белые снежинки,
Будто пуховые косынки,
К уже озябшим деревьям.

И мне, как многим, пригоршня досталась
Последнего, осеннего тепла,
Но, как бы я его ни берегла,
Мне душу отогреть не удавалось.
А в ней давно покинутой тобой,
Как в доме, позабытом человеком,
Прощальных слов еще витает эхо,
Наполненное гулкой пустотой.
Метет январь порошу мимо окон.
Снега, снега, куда ни кинешь взгляд...
О, если б только ты был виноват,
В том, что с тобой мне было одиноко!
Виню себя за частую немилость

Мою к тебе, еще за немоту
Упрямых губ, за сердца маяту
И за его смертельную ранимость!

«И.Х.»

Да, ты бы мог меня спасти
И не судить за грех мой строго,
За то, что я искала бога
На белом свете во плоти.
И этот бог был сущ и зрим,
Был родом из людского мира...
Я создала себе кумира,
И нарекла его твоим
Высоким именем и мыла
Ступни его усталых ног,
А он того понять не мог,
За что я так его любила.
И возгордился. Став тобой,
Он сотворил, не без лукавства,
Особый мир. Он создал царство,
Назвав меня своей рабой,
Забыв о том, кем прежде был.
Он объявил себя пророком
И в ослеплении жестоком
Мою любовь к себе убил.
Да, ты бы мог меня спасти,
Простить и протянуть мне руку.
Но ты мне преподал науку:

«Нет в свете бога во плоти».

Я так хочу тебя забыть!
Я все равно тебя забуду!
Но память, будто тень, повсюду
Спешит меня сопроводить.
И день, и ночь она за мной
Следит, из вида не теряя,
И я ей снова уступаю,
И погружаюсь с головой
В то, что навек осталось в прошлом,
Где ты любил меня шутя,
Где я капризно, как дитя,
Дурное путала с хорошим.
Ты – мой не выстывший костер,
Зола, что тлеет, догорая,
И память угли раздувает,
Как легкий ветер складки штор.

БАНЬКА

Я у тетки просила
Баньку жарче стопить.
Я и воду носила,
Чтобы ей угодить.
Я сама заварила
Крепкий чай травяной.
Ну, а тетка гнусила:
– Нет покоя с тобой.
Но была моя тетка,
Как всегда, не права.
Отбивают чечетку
В тесной топке дрова.
Закипает водица,
Насыщается жар
И по баньке струится
Белым облаком пар.
Еще пара мгновений —
Воздух пахнет дымком.
Я березовый веник
Обдаю кипятком
И хлещусь им, как плеткой,
Мелким хворям назло...
По всему видно, с теткой

Крупно мне повезло!

КРАСНЫЙ КЛЕВЕР

Красный клевер зацвел на лугах
По обочинам тропок и просек,
И, как шишки, упавшие с сосен,
Раскатились по колкам стога.
Никуда от разлуки не деться,
Но вдали от больших городов
Красный клевер, как искры костров,
Веселит грустившее сердце.
Вьются пчелы над кашкой духмяной...
Вкус цветочного меда во рту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.